

Глава 18

Чжоу Лэ не ожидал, что Лю Яньянь принесет ему молочный чай — персиковый улун, который выглядел красиво и аппетитно.

И это было дорого.

Наклейка с ценой не была снята — 34,6 юаня.

Более 30 юаней за чашку — это почти столько же, сколько стоили ребрышки, которые они с мамой съели в тот день.

Чжоу Лэ некоторое время смотрел на напиток, не решаясь сразу его выпить.

Он отправил Лю Яньянь длинное благодарственное сообщение в WeChat.

Лю Яньянь великодушно ответила: «Не надо меня благодарить! Я тоже часто прошу твоей помощи. Если тебе понравится, я куплю тебе еще один в следующий раз. Я заказала с 70% сахара, чтобы не было слишком сладко. Нормально?»

Чжоу Лэ взглянул на молочный чай.

Он еще не пробовал и не знал, поэтому пошел и ответил: «Не сладкий, вкус идеальный. Я чувствую вкус персика, а мне очень нравится персик! Спасибо!»

Чжоу Лэ: [Фотография фигурки, обнимающей сердце].

Лю Яньянь ответила застенчивым эмодзи.

Чжоу Лэ, глядя на экран чата, улыбнулся.

«Рабочий лист по математике».

Внезапно откуда-то сверху раздался холодный, бесстрастный голос.

Чжоу Лэ удивленно поднял глаза. «Староста класса!»

Его глаза мгновенно загорелись.

Обычно Чжоу Лэ не разговаривал много с Лу Цзинжанем. Один сидел в первом ряду, другой в заднем; один был лучшим учеником, другой — средним.

Они редко общались, так как Чжоу Лэ не преуспел в таких задачах, как решение проблем или баскетбол. Если бы не «приказ» Лю Яньянь, подумал Чжоу Лэ, он, возможно, никогда бы не подружился с Лу Цзинжанем в своей жизни.

Увидев счастливое выражение лица Чжоу Лэ, лицо Лу Цзинжана смягчилось, а тон стал мягче. «Вчерашний лист с заданиями по математике».

Чжоу Лэ сделал паузу.

Похоже, он этого не помнил.

Перебрав свои вещи, он наконец нашел чистый лист. Он был таким же чистым, как и его лицо.

Ой-ой, он же ничего не написал!

Прошлую ночь он провел, доставляя заказы дяде Чжоу, и к концу он настолько вымотался, что уснул сразу же, как только лег, не имея на это времени.

Линь Сяосяо была в шоке. «Ты этого не делал?»

«Задание по математике старика Вана, а ты его не сделал?»

Правило в третьем классе было таково, что можно было пропускать задания по любому предмету, кроме математики. Их учитель математики, старик Ван, любил собирать и проверять домашнюю работу, и в последний раз, когда кто-то ее не сдал, он провел весь урок, ругая класс вместо того, чтобы учить.

С тех пор старик Ван стал учителем, которого все боялись больше всего.

Чжоу Лэ схватился за голову, чувствуя себя обреченным и отчаянным.

Ся Линьчуань, жуя леденец, насмехался над ним: «Прощай, мой дорогой друг».

Что делать? Он не хотел, чтобы его ругали целый урок!

Теперь его могло спасти только чудо.

Чжоу Лэ с жалостью посмотрел на Лу Цзинжаня и осторожно спросил: «Староста класса... не мог бы ты одолжить мне, чтобы я мог его скопировать?»

Глаза Линь Сяосяо расширились: возможно ли это вообще?

Ся Линьчуань подумал: «Бро, ты серьёзно? Это всё равно, что просить у учителя разрешения списать на экзамене. Он же староста класса!»

Но как раз в тот момент, когда эта мысль пришла ему в голову, Ся Линьчуань с удивлением наблюдал, как Лу Цзинжань передал Чжоу Лэ верхний рабочий лист из своей стопки.

Ся Линьчуань: «....»

Линь Сяосяо: !!!

Чжоу Лэ: Аааа! Я только что стал свидетелем чуда!

Чжоу Лэ: «Спасибо, староста!!!»

Не теряя времени, Чжоу Лэ спрятал голову и начал яростно переписывать, его перо двигалось так быстро, что, казалось, от бумаги отлетали искры.

Заметив, что он неправильно переписал один ответ, Лу Цзинжань тихо поправил его: «С».

Чжоу Лэ: «Хм?»

Лу Цзинжань указал на свою бумагу, и Чжоу Лэ быстро объяснил: «Я сделал это намеренно. Я не могу копировать все в точности так же, иначе это будет слишком очевидно».

Лу Цзинжань убрал палец. Стоя перед Чжоу Лэ, он держал стопку листов и послушно ждал, пока Чжоу Лэ закончит копировать.

В то же время его взгляд упал на молочный чай со вкусом персика на столе Чжоу Лэ.

К нему еще не прикасались; соломинка все еще была в чашке.

Линь Сяосяо, наблюдая за этой сценой, почувствовала, что сходит с ума... или, может быть, это Лу Цзинжань сошел с ума... нет, это, должно быть, она.

Лу Цзинжань! Даёт Чжоу Лэ копию своего рабочего листа!

Будучи старостой класса, он фактически помогал Чжоу Лэ списывать!

Линь Сяосяо и Ся Линьчуань обменялись взглядами, каждый из них увидел в глазах другого недоверие и потрясение.

Когда Чжоу Лэ наконец закончил, а Лу Цзинжань ушел, Линь Сяосяо схватила Чжоу Лэ за воротник, наклонилась и потребовала: «Скажи мне, какой компромат у тебя на Лу Цзинжаня?»

Чжоу Лэ серьезно задумался. «Ни одного!»

Линь Сяосяо: «Тогда почему он так добр к тебе? Позволяет тебе копировать его рабочий лист!»

Подумав немного, Чжоу Лэ улыбнулся и сказал: «Может быть, он просто такой милый».

Его улыбка должна была выразить благодарность, но со стороны она больше походила на легкое хвастовство.

Сидевший в первом ряду Чэнь Нань, который также забыл сделать домашнее задание по математике, увидел эту сцену и ощутил проблеск надежды.

Когда Лу Цзинжань подошел, Чэнь Нань с ухмылкой протянул руку. «Брат Лу, не возражаешь, если я тоже получу копию?»

Даже не взглянув, Лу Цзинжань сунул лист с работой Чжоу Лэ в свою стопку и сказал: «Исчезни».

Чэнь Нань: «...»

—

Урок китайского языка.

Во время упражнения на понимание прочитанного Сюй Юэ спросила: «Главный герой в рассказе подарил своему другу пару перчаток. Может кто-нибудь объяснить, почему?»

Сначала в комнате было тихо. Через несколько секунд слышались какие-то перешептывания.

«Потому что он считал его другом».

«Чтобы попросить об одолжении...»

«Может быть, он думал, что они ему понравятся...»

После некоторого обсуждения Учитель Сюй подвела итог: «Теперь давайте ответим на первый вопрос: почему главный герой отдал перчатки и почему друг не понял?»

«Ответ прост, да? Потому что главному герою так понравились перчатки, что он инстинктивно захотел отдать лучшее, что у него было, своему другу. Несмотря на то, что перчатки были совершенно новыми и неиспользованными — ему было жаль ими пользоваться — он считал их лучшими».

«Разве это не похоже на то, как мы дарим подарки друзьям в реальной жизни? Когда вы хотите сделать другу подарок, разве вы не выберете что-то дорогое для вас?»

«Хотя перчатки кажутся обычными, что они собой представляют на самом деле? Вы все были правы — они были самой дорогой вещью главного героя».

Самое заветное...

Лу Цзинжань вдруг вспомнил о молоке, которое дал ему Чжоу Лэ.

Так... это было его самое дорогое?

Пакет молока за семь юаней.

А пил ли он его вообще?

После школы все вышли на улицу.

Чэнь Нань, несущий свой рюкзак, казался взволнованным. «Я не хочу идти на подготовительные курсы. Это так раздражает! Шэнь Цянь, я приду к тебе, и если мама спросит, прикрой меня».

Шэнь Цянь: «Ни в коем случае».

Чэнь Нань расстроился еще больше. «Почему нет? Ты забыл, кто тебя прикрывал, когда ты хотел это пианино? Чьими карманными деньгами ты пользовался?»

Шэнь Цянь помолчал.

У него было мало денег, и Чэнь Нань действительно помог ему купить его.

Шэнь Цянь: «Хорошо, приходи ко мне».

Чэнь Нань ухмыльнулся.

Шэнь Цянь: «Но я буду твоим наставником».

Чэнь Нань хотел задушить его.

«Почему так необходима учёба? Умру ли я, если не буду учиться?»

Шэнь Цянь: «Ты в выпускном классе. Ты уже взрослый. Ты не можешь продолжать бездельничать».

Он помолчал, а затем добавил: «Если ты продолжишь в том же духе, как ты сможешь позволить себе Омегу в будущем?»

Чэнь Нань нахмурился, посасывая новый леденец.

Шэнь Цянь взглянул на него, но ничего не сказал.

В этот момент мимо них промчался кто-то на велосипеде.

Чжоу Лэ.

Проходя мимо, он даже не посмотрел в их сторону, кивая головой в такт музыке и напевая.

Чэнь Нань почувствовал себя еще более неуравновешенным. «Почему он так счастлив?»

«Он тоже не очень хорошо учится, да?»

Шэнь Цянь посмотрел в сторону, куда ушел Чжоу Лэ, прищурившись. «Может быть, это потому, что с ним происходят хорошие вещи».

Чэнь Нань: «Что ты имеешь в виду?»

Шэнь Цянь: «Ты разве не видел? В его велосипедной корзине был молочный чай».

«...»

«Со вкусом персика, любезно предоставленный Лю Яньянь».

Чэнь Нань мгновенно понял, что к чему, и пробормотал: «Чёрт».

Шэнь Цянь взглянул на Лу Цзинжана, который был рядом, и неторопливо сказал: «Чжоу Лэ, вероятно, не хочет его пить. Иначе он бы его выпил».

Чэнь Нань нахмурился. «Я не могу позволить себе Омегу, но может ли Чжоу Лэ? Мы же говорим о Лю Яньянь».

Лю Яньянь происходила из богатой семьи; она была школьной красавицей с прекрасными генами и длинными ногами, из известной семьи. Чжоу Лэ, бедный бета, едва мог содержать себя — как он мог когда-либо обеспечить Лю Яньянь?

Шэнь Цянь: «Может, ему это и не понадобится. Семья Лю владеет множеством ресторанов; они могут позволить себе содержать одного Чжоу Лэ».

Через мгновение Чэнь Нань ответил: «Когда ты так говоришь...»

Прежде чем он успел закончить, Лу Цзинжань прошел мимо них, не сказав ни слова.

Даже Чэнь Нань, который часто был рассеянным, почувствовал, что что-то не так. Глядя вслед удаляющейся спине Лу Цзинжана, он спросил: «Что с ним в последнее время?»

«Он кажется даже более раздражительным, чем я».

Шэнь Цянь двусмысленно усмехнулся.

Чэнь Нань: «Чему ты смеешься? Ты такой же раздражающий».

Шэнь Цянь: «...»

<http://bllate.org/book/14560/1289897>